

Мурзахмедова Г.

ОБРАЗЫ ЦАРСКИХ ОФИЦЕРОВ В РОМАНАХ «БАСКЫН» И «КЫРГЫН»

УДК: 80:894.341

В романе «Баскын» Т.Касымбеков с глубоким психологизмом раскрывает характер полковника Колпаковского. При этом писатель руководствуется теми историческими сведениями об этой реально существовавшей личности, которые имеются в трудах ученых – историков. О методах Колпаковского, которые включали в себя разжигание междоусобной родовой борьбы, использование родоплеменных распрей в интересах колонизации края, сообщается в работах историков. Например, в монографии Джамгерчинова Б. говорится о том, что «царские власти искусно применяли политику поддержки междуродовой вражды среди киргизов и казахов». Подобная политика исходила из общего курса колониальной направленности действий российского правительства. Российская империя, так же как и Кокандское ханство, в борьбе за власть на территории Кыргызстана, пользовались излюбленным приемом разжигания национальных и религиозных раздоров, расовой и племенной вражды.

Автор очень правдиво рассказывает о «подвигах» доблестной русской армии, истреблявшей все на своем пути. Генерал Скобелев был вдохновителем и организатором уничтожения беззащитного народа.

Образ генерала Скобелева дан писателем с большой долей правдивости. В сравнении с ним полковник Колпаковский показан автором более даже человечным и менее кровожадным. Образ Колпаковского наполнен как положительными, так и отрицательными сторонами характера. В Колпаковском присутствуют хитрость, коварство, умение строить верные тактику и стратегию, достигать поставленной цели малой кровью. Эти качества напрочь отсутствуют у вояки Скобелева, который привык «рубить», «палить», «уничтожать» и брать свое нахрапом. Колпаковский в общении в Шабданом всегда подчеркивает свое дружеское отношение к нему, ласково называя его «Шаби». Не случайно, поэтому писатель называет его «бурадар» - друг, приятель – в кавычках, раскрывая при этом суть его заигрывания и навязывания своей дружбы Шабдану.

Автор показывает, какое давление каждый раз приходилось испытывать Шабдану со стороны русских генералов, которые то откровенным запугиванием и угрозой, то обманом использовали его влияние в народе. Вспомним эпизод, когда Колпаковский уговаривает Шабдана участвовать в аресте сыновей Курманжан датхи, которые открыто выступили против царской власти.

Хитрость Колпаковского раскрыта автором в сцене прибытия на кыргызскую землю беженцев – дунган. Шабдан горячо защищает бедный народ перед Колпаковским и просит его самому убедиться в безобидности дунган. Прибыв на место, Колпаковский сам воочию убеждается в том, что от дунган кроме пользы, вреда не будет. Кроме того, полковник узнал, что дунгане привезли с собой семена

опия, которое намереваются засеять на своих полях. Он понял, что дунган можно выгодно использовать и обеспечить короткий путь к обогащению. Это, можно сказать, стало основной причиной его согласия поселить дунган на кыргызской земле. Навязанный посев опийного мака, впоследствии обернулся тяжелым бременем для дунганского народа. Дунганские крестьяне – бедняки, возделывавшие мак-вые плантации, попали в кабальную зависимость от русских военных вышестоящих чинов, ростовщиков, кушцов и от опийной организации. В связи с чем, основная масса дунганского крестьянства приходила к окончательному разорению и нищете. Но это мало интересовало и беспокоило предприимчивого Колпаковского.

Такое же лицемерие и корыстолюбие показывает Касымбеков в образах русских офицеров: Повало – Шыйковского, Фольбаума, Грибановского, Рымшевича и др. Все они, даже из самых нелюбимых положений, выискивают свою выгоду. И как бы они хорошо не относились к вождям кыргызского народа, все же для них они только «туземцы» и «дикари», с которыми не стоит церемониться.

Вспомним хотя бы сцену казни Камчибека, когда Повало – Шыйковский с деланным скорбным голосом зачитал приговор, а затем, вдруг взбешенный оборвавшейся веревкой, приказывает продолжить экзекуцию. Он – то наверняка знает, что Камчибек ни в чем не виноват, но крепко помнит он строгое указание генерал – губернатора, не быть мягкотелым и не впадать в либерализм. Совесть его была абсолютно спокойна, так как по мысли военного губернатора, откуда туземцам знать про честь, ради которой можно пойти и на виселицу? Он считал их безумцами, которых должен был наказать, чтобы не подрывать авторитет высочайшей власти великого российского самодержца, да и, чтобы впредь другим была наука.

Барон Вревский внешне само олицетворение вежливости и учтивости. Он гладко причесан, выбрит, одет с иголочки, в начищенных до блеска лаковых ботинках. Слушал Курманжан с подчеркнутым вниманием, обращаясь к ней не иначе, как «ваша светлость», но про себя называл ее «бабой ягой», «мумией», «старухой» и «дикаркой». Барон не считал себя злым человеком, он был уверен в том, что выполняет с честью свой долг царского чиновника. Он поднимался в своих собственных глазах от мысли, что он тверд, открыт и честен, и никогда не отступит от принятого решения.

Генерал – лейтенант Фольбаум так же историческое лицо. Секретное донесение о готовящемся неповиновении царскому указу, нисколько не смутило его. Размышления генерала о политике империи на окраинах, как бы ведется от лица автора. И здесь вступает в свои права, так называемое, «авторское время». Касымбеков пишет о том, что колониальная

политика царского правительства из года в год становилась невыносимой для простого народа: ставшие уже правилом, постоянные унижения национального и человеческого достоинства, пренебрежительное оскорбление коренного населения словами «туземец», «полудикий», «инородец», отношение к ним, как к своим врагам, ничем не прикрытая демонстрация своего превосходства. Но одна деталь в секретном донесении вызвала тревогу у генерала Фольбаума – это стремление кыргызов и казахов объединиться. Для чего им это единение? Для того, чтобы расшатать, а затем и разрушить устои империи? Фольбаум отгоняет от себя эти мысли. Он окунается в многовековую историю колониальной политики России, которая идет еще с тех давних «седых» времен.

Да, были отдельные народы, которые пытались отстоять свою независимость, оказывая сопротивление царской армии. Например, казаки – вольнолюбивый и независимый народ, презирающий всякое подчинение чьей – либо власти, сбегав от своих угнетателей – помещиков, во время крепостного права, расселились по широким просторам необъятной России. Но постепенно и они были царской властью обращены в «свою веру». Силой подчинить их себе царская власть не решилась, заранее зная провальность этой затеи. Зато оказалось возможным взять их лаской, а именно, выражая им особое отношение царя, давшему им особые привилегии. В итоге из казаков были сформированы карательные отряды, отличавшиеся неимоверной жестокостью и изуверством.

Двигаясь дальше на Восток, Россия на своем пути не встретила сколь – нибудь серьезного сопротивления. Хотя, Фольбаум вспомнил, выступления казахских биев Махамбета и Исатая, которые, впрочем, были жестоко подавлены «доблестной русской армией». С раздражением размышляет Фольбаум над отношениями двух народов – кыргызского и казахского. С каких же пор они почувствовали необходимость объединиться? Вся история этих народов, думает Фольбаум, пестрит кровавыми побоищами друг против друга. На память генералу пришел период, когда казахские султаны Барак, а затем Кенесары, совершали жестокие и опустошительные набеги на кыргызские айлы. В итоге этой многолетней войны между кыргызами и казахами, Кенесары был пленен и казнен кыргызами, а голова его, в качестве почетного трофея, передана русскому генералу – губернатору. Фольбаум, проделав мысленный экскурс в историю, с недовольством размышляет о причине, побудившей два народа объединиться против России, отношения которых никогда не отличались миролюбием друг к другу.

Но Фольбаум спокоен, потому что знает наверняка, что из этой затеи кыргызов и казахов, ничего путного не выйдет. Кыргызские бии, болуши и мананы не могут договориться о единении не только с казахами, но и между собой. Они ненавидят и завидуют друг другу, заняты постоянной междоусобицей и родовой враждой. Ведь информация о тайной встрече представителей двух народов, была получена от доносчика, который считается там «своим».

В романе, в отличие от предыдущих произведений, очень много авторских отступлений. Порой автор вклинивается в размышления героев, дает свои комментарии тому или иному событию. Писатель выражает свое отношение к происходящему и, нам кажется, что для него важен не сам факт, как таковой, а выражение своего собственного человеческого отношения к нему. Наиболее ярко это показано в сцене, когда Грибановский дает указание своим подчиненным не давать «инородцам» спуску и не церемониться с ними. Грибановский жесток, высокомерен и самоуверен в себе, говорит безапелляционным, не терпящим возражения тоном. Его недовольство вмиг рассеивается при виде четырех внушительных свертков, преподнесенных ему местной знатью.

Кстати, в истории есть засвидетельствованный факт, раскрывающий сущность колониализма. «Всем военным губернаторам областей был разослан приказ, в котором туркестанский генерал – губернатор обязал «в знак преклонения туземного населения перед русской властью предложить всем туземцам всегда почтительно приветствовать офицеров и чиновников всех ведомств вставанием и поклоном».

В романе автор показывает как неуклюже и неумело проводила царская власть агитационно – разъяснительную работу среди местного населения при наборе на военно – тыловые работы.

Перед генерал – губернатором Гиппиусом, была поставлена задача – как можно в короткие сроки завершить мобилизацию в армию. Для того, чтобы исполнить указ царя в назначенные сроки, генерал самолично едет в кыргызские айлы, хотя понимал опасность сложившейся ситуации.

Окинув взглядом собравшийся народ, Гиппиус остановил свой взор на местных болушей, которые, как бы боясь чего-то, стояли тесно прижавшись друг к другу. На них надежды не было, так как они давно потеряли авторитет и уважение в народе. Как отец, отчитывающий своих малых детей, Гиппиус начал рассказ с того, какая участь постигла возмутителей порядка в Андижане. Он радовался тому, как притих в испуге народ.

Но вдруг из толпы донесся громкий голос, проносясь над толпой: «Кайда болуштарынын балдары!?!». Люди зашевелились, выражая свою солидарность, и мигом послышались недовольные голоса. В этом эпизоде, писатель крупными мазками, очень сочно, убедительно рисует портрет Гиппиуса: страх в глазах, оцепенение от испуга при виде накала страстей, смещение и замешательство. Нет уже тех медовых речей и уверенного вида. Со всех сторон из толпы стали раздаваться недовольные голоса: «Биз деле барбайбыз! Барбайбыз!... Барбайбыз!». Народ гудел, как потревоженный улей. Гиппиус чувствовал, что одно неправильно оброненное слово, может привести неминуемо к кровавому столкновению.

Гиппиус не ожидал такого поворота событий. Оказавшись один среди недовольной толпы, окруженный плотным кольцом, Гиппиус в надежде на помощь глядел во все глаза на местную администрацию. Но те, сжавшись от страха, не могли проронить ни слова.

Верно оценив ситуацию, Гиппиус решил поменять тактику, и, сделав вид, что он очень хорошо понимает положение простого народа, осуждающе взглянул на болушей.

Генерал Гиппиус – реальное историческое лицо. Писатель пишет о том, что в его правление не было сколь – нибудь заметных по своей жестокости кровавых столкновений с коренным населением. Он всегда пытался решить дело миром. Касымбеков не случайно подчеркивает в романе эту черту характера Гиппиуса. По мысли писателя, не все царские офицеры были тиранами и угнетателями. Но такие офицеры, как Гиппиус, долго не задерживались на службе, страдая от своей лояльности к «туземцам» и миролюбия к ним.

Царской власти был неугоден такой «адамгерчикуу генерал» (человечный генерал). Отсутствие в нем кровожадности было воспринято Жарым Пашой, как предательство интересов царского правительства и противоречащее сути указа. И немедленно во все концы Туркестана было разослано секретное донесение, в котором говорилось о том, как необходимо себя вести с «инородцами». В итоге на место Гиппиуса был назначен генерал Иванов, оставивший кровавый след в памяти кыргызского народа.

В романе нарисована писателем и зловещая фигура Инчина. Под его личным руководством путь до Бишкека был усыпан трупами людей, обвиненных в выступлении против власти белого царя. Над дорогой черной тучей кружила стая ворон, почуяв наживу, хищно набрасывалась на очередную жертву. По свидетельству историков по распоряжению участкового пристава под конвоем вооруженного отряда 138 повстанцев были отправлены в Пишпек. В уездное управление привели только 35 человек, а 103 были убиты по дороге якобы за попытку к побегу.

В целях экономии патронов, людей убивали косами, закалывали вилами и ножами, порубали топорами. Сцены жестокой расправы над безоружным народом, наиболее ярко и полно показывают звериную сущность колонизаторской политики царской власти; раскрывает перед нами причины, которые и побудили народ встать на защиту своих прав. Историки констатируют и такой факт: «Приведенных арестантов заставили лечь на церковной площади и по приказу уездного начальника на глазах начальства под звуки кинематографа закололи штыками. Некоторые из казненных были еще живы, но их вместе с трупами вывезли за город и закопали».

Этот исторический факт нашел свое художественное воплощение в романе, получив жизненность и эмоциональность. Он напоминает нам чем – то описание Древнего Рима, когда на арену выпускали беззащитных людей, а гладиаторы убивали их, с ужасающей жестокостью, в угоду публике, жаждущей крови и зрелища.

Бакуревич ничем не уступал по своей жестокости и самодурству Грибановскому и Инчину. Он безоговорочно исполнял указание своего «хозяина» Фольбаума.

Наслышанный о зверствах колонизаторов, безропотный и мирный простой народ решил хоть как – то обезопасить себя, и в надежде на понимание и

соучастие, отправился к Бакуревичу. Собрав свой нехитрый скарб, посадив на коней своих детей, жен и стариков, двинулись в сторону Токмака. Бакуревич, увидев многочисленную толпу людей – кто верхом, кто пеший – задал себе вопрос: «Кто такие?», но затем равнодушно подумал: «Какая разница?». Кто бы ни были эти люди, есть приказ Фольбаума, уничтожать любого «туземца», так зачем ему интересоваться и кого бояться?

Все ближе и ближе приближались люди к отряду Бакуревича. Видно было, что все они безоружны, даже нет в руках традиционной камчи. Женщины – в красивых национальных белых элечеках, девушки – в тебетях с совиными перьями. Они остановились, и искренне улыбаясь, опустили на колени перед Бакуревичем.

Бакуревич внимательно слушал седовласого старика, крепко стиснув зубы. Затем незаметным движением глаз дал команду своим солдатам, которые, вытащив из ножен острые сабли, стали налево и направо размахивать руками.

Кажется, рыдала сама Мать – земля, захлебываясь горячей кровью своих детей. Повсюду раздавались крики женщин, стоны и плач малолетних детей. Писатель не просто констатирует факт убийства ни в чем не повинных безоружных людей, но он повествует о том, с каким изощренным зверством происходило это убийство. И делает он это не ради того, чтобы лишний раз пощекотать нервы у читателя, а для того, чтобы восстановить историческую истину, чтобы мы, сегодняшнее поколение, усвоили уроки прошлого и постарались предотвратить повторения подобной трагедии.

Когда один из сердобольных наблюдателей этого убийства, заметил Бакуревичу, что не стоило убивать безоружных людей, пришедших к нему с миром, он, даже не моргнув глазом, ответил, что его «шутники» немного переусердствовали.

Для того, чтобы объяснить суть такого зверства, чтобы не быть голословным в оценке такого геноцида царской власти, по отношению к кыргызскому народу, писатель приводит выдержку из протокола допроса Бройдо, одного из участников резни. Он раскрыл истинную цель царского правительства, которая заключалась в том, чтобы выселить коренное население в горы, отобрать у них скот, а в случае мятежа, уничтожить всех до единого.

Писатель сетует на то, что кыргызский народ в те поистине «черные» для него дни, остался один на один с сильным врагом. Никто не смог бы ему помочь и утешить его в горе. Кыргызскому народу оставалось уповать только на поддержку и помощь Всевышнего создателя. Ведь и в том, что вояка царской армии, хвалясь своей отвагой, бросил в бурлящую реку Чу полуторогодовалого ребенка, заключена глубокая мысль. Этим самым царское самодержавие хотело уничтожить само будущее кыргызов, его последующую надежду и опору. Описывая эти ужасающие события, писатель зримо, натурально подчеркивает то, что не щадили ни женщин, ни детей, как бы пытались убить народ в его зародыше.

Роман Касымбекова, как никакой другой, создан для прямого диалога с читателем. Роман вызывает

некоторое затруднение в разделении «голосов» автора и героя. Поэтому возникает сложность в понимании решения проблемы соотношения документа и художественного вымысла. Преобладание авторского голоса, авторского «времени», способствует утверждению ослабления власти документа, несмотря на то, что роман начинается с него, и каждая из частей открывается и завершается выдержками из различных фактических свидетельств.

Роман Касымбекова движется мыслью «протянутой» из современного состояния мира. Он как бы предупреждает нас о том, что духовный кризис, когда самодовольство положения, забвение своих корней, сознательный или бессознательный разрыв с многовековым опытом истории, ведет к утере национального чувства и исторической памяти, к разобщению, обезличенности и безродности. Отсюда и нака-

ленность конфликтов, страстность диалогов и постановки нравственно – философских проблем.

Список использованной литературы:

1. Джамгерчинов Б. Очерки политической истории Киргизии 19 века. – Фр., 1966.
2. Юсуров Переселение дунган на территорию Киргизии и Казахстана. Фр., 1961.
3. Усенбаев К. Восстание 1916 года в Киргизии. Фр., 1961.
4. Ковалев П. Тыловые рабочие Туркестана в годы первой мировой войны. Ташкент, 1957.
5. Восстание 1916 года в Киргизстане. Документы и материалы, М., 1937.
6. Галузо П., Божко Ф. Восстание 1916 года в Средней Азии. Сб. статей. М.- Ташкент, 1932.